

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2020»

Москва, 17–20 июня 2020 г.

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ СЛОВА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА: *ТОСКА*

Шмелев А. Д. (shmelev.alexei@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-658-669

LANGUAGE-SPECIFIC WORDS IN THE LIGHT OF TRANSLATION: THE RUSSIAN *TOSKA*

Shmelev A. D. (shmelev.alexei@gmail.com)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences; Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia

This paper presents a semantic analysis of the most language-specific Russian word for 'sadness', namely, *toska*. The analysis is based on the hypothesis that one may regard translation equivalents and paraphrases of a linguistic unit extracted from real translated texts as a source of information about its semantics. The appearance of language-specific words in translated texts may be even more useful for studying their semantics.

It turns out that *toska* is not all that rare in Russian translated texts. The study of the incentives that lead Russian translators to use the word *toska* often reveals important aspects of the semantics of this word. Stimuli for the appearance of *toska* in translations into Russian vary greatly. In general, when the original describes some bad feelings, the word *toska* appears if the original speaks of a subject's unsatisfied desire, which desire may be vague and not well understood and it usually cannot be satisfied. In addition, the subject often feels lonely.

Key words: semantics, language-specific words, translation, parallel corpora

Традиционно в российской лингвистике в качестве языковых данных было принято использовать материал оригинальных текстов на русском языке, а также искусственные примеры, специально сконструированные носителями языка (чаще всего — самим исследователем). К примерам из переводных текстов принято было относиться с некоторым пренебрежением. Мне же кажется, что именно переводные тексты представляют собою ценнейший материал для изучения особенностей языка перевода.

С развитием корпусной лингвистики и появлением электронных параллельных корпусов русского языка возникла возможность использовать их для изучения семантики русских лингвоспецифичных слов и выражений более или менее систематически¹. В частности, выявление в оригинальных текстах стимулов, побуждающих переводчиков использовать лингвоспецифичные выражения языка перевода, позволяет не только верифицировать описание этих слов, полученное без использования электронных корпусов, но в определенных случаях по-новому взглянуть на те или иные лингвоспецифичные слова. Само появление таких слов в переводных текстах может показаться парадоксальным. В самом деле, если слово или выражение выражает конфигурацию смыслов, специфичную для языка перевода, то встает вопрос, какие же свойства оригинального текста побудили переводчика употребить это выражение. Часто ответ на этот вопрос позволяет уточнить описание семантики лингвоспецифичного слова или выражения. В указанном отношении именно переводы на русский язык показательны в большей степени, нежели переводы с русского.

Разумеется, для изучения особенностей лингвоспецифичных слов на основе их использования в переводных текстах существенно, чтобы язык этих текстов был близок языку авторских произведений на русском языке. Этот случай более других эффективен для изучения русских языковых конвенций, поскольку мы имеем дело с соответствующим языковому стандарту русским текстом, для которого уже готово его семантическое представление в виде иноязычного оригинала [Добровольский, Шмелев 2018: 46]. Именно таково большинство переводов из англо-русского подкорпуса «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ), который и был положен в основу анализа². Об этом следует упомянуть, поскольку не все параллельные подкорпусы НКРЯ удовлетворяют данному требованию³.

---

¹ Идея об использовании данных параллельных корпусов для изучения лингвоспецифичных слов получила распространение в самое последнее время. Она высказывалась в том числе на конференциях «Диалог» [Шмелев 2015]; [Зализняк 2015]. Важно, что, в отличие от контрастивных корпусных исследований, при таком анализе в центре внимания оказывается один язык, и поэтому этот подход мы называли «унидирекциональным» [Шмелев, Зализняк 2017: 370]. Сейчас мы чаще используем слово «монофокусный».

² Исключение составляют включенные в НКРЯ переводы на русский язык англоязычных произведений Набокова, которые на этом основании были исключены из рассмотрения.

³ Так, по замечанию одного из рецензентов данной статьи, переводы, включенные в украинско-русский подкорпус НКРЯ, этому критерию не удовлетворяют, в отличие от переводов из англо-русского подкорпуса.

Уже появился целый ряд работ, в которых русские лингвоспецифичные слова исследуются на основе их употребления в переводах на русский язык при помощи параллельных подкорпусов НКРЯ. Впрочем, почти все эти работы посвящены дискурсивным единицам русского языка. Но не менее показательным является использование данных, извлеченных из переводов на русский язык в сопоставлении с оригинальными иноязычными текстами, для исследования семантики самостоятельных русских слов (в данной статье речь пойдет об одном из самых лингвоспецифичных слов русского языка, а именно — о слове *тоска*).

Однако изучение способов перевода лингвоспецифичных слов оригинальных русских текстов (и, в частности, слова *тоска*) тоже может оказаться до какой-то степени показательным, и с него и следует начать.

1. Тоска в русских оригинальных текстах и ее соответствие в переводах на английский язык

Как мы знаем, конкретные переводческие решения в отношении лингвоспецифичных слов могут опираться на разные соображения в соответствии с целями, которые ставит перед собою переводчик [Шмелев 2012]. Упрощенно говоря, можно различить две установки и, соответственно, две стратегии перевода. Одна из них ориентирована в первую очередь на автора в том смысле, что она направлена на то, чтобы передать все, что «имел в виду» («хотел сказать») автор. Для этой цели могут использоваться примечания, комментарии и т. п.; в результате адресат получает более или менее полное знание о семантическом содержании оригинального текста, но непосредственное впечатление разрушается. Другая установка в большей степени ориентирована на адресата и направлена на то, чтобы произвести на иноязычного адресата то же впечатление, которое оригинальный текст производит на носителя языка оригинала.

При этом выбор установки определяется целями перевода; не может быть универсальной стратегии, пригодной во всех случаях. Особенно это касается художественных переводов. Сталкиваясь с лингвоспецифичным языковым выражением, переводчик может ориентироваться на общий смысл высказывания, подбирая соответствие, в максимальной степени передающее смысл выражения в данном контексте (стратегия смысла), или же выбрать некоторый единый эквивалент данного выражения и стараться во всех случаях использовать именно его (стратегия конкорданса, или стратегия формы⁴). При выборе стратегии смысла часто возникает разброс переводов одного и того же лингвоспецифичного слова, поскольку единого эквивалента в языке перевода у него нет, и переводчик всякий раз вынужден выбирать соответствие, которое, по его мнению, ярче всего выражает смысловые компоненты, наиболее

⁴ «Стратегия формы», соответствующая так называемому *formal equivalence approach* (термин, предложенный Юджином Найдой), стремится к тому, чтобы подчеркнуть верность лексическим деталям и грамматической структуре оригинального текста [Nida and Taber 1969: 200].

существенные в данном контексте⁵. Соответственно, обилие возможных переводов можно считать одним из признаков, свидетельствующих о высокой степени лингвоспецифичности слова, и, более того, разброс переводов может использоваться для количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность [Шмелев 2015: 563].

Русское лингвоспецифичное слово *тоска*, как и следовало ожидать, обнаруживает разброс переводов на основные европейские языки, в том числе в пределах одного перевода одного и того же произведения. Это часто свидетельствует о том, что переводчик следует стратегии смысла, но, кроме того, может считаться дополнительным доказательством высокой степени лингвоспецифичности слова *тоска*. Обратимся к переводам на английский язык в НКРЯ и возьмем для примера переводы произведений Достоевского, выполненные Констанс Гарнетт. В переводе «Преступления и наказания» (романа, для которого мотив *тоски* является ключевым⁶) К. Гарнетт использует разнообразные соответствия. Самое частое соответствие в этом переводе (5 раз из 22 употреблений слова *тоска* в оригинальном тексте) — слово *misery*. Но в этом же переводе используются и другие соответствия: *wretchedness, anguish, dismay, depression, dejection, distress, agony, restlessness, misgivings*. В переводах других произведений Достоевского, выполненных К. Гарнетт, мы можем видеть не меньший разброс переводов. В качестве соответствия используются слова *yearning, distress, despondency, anguish, misery, trouble, depression*. При этом иногда Достоевский использует слово *тоска* в не вполне стандартном значении ‘горе, страдание’ (как во фразе из «Бесов» *в эту несчастную неделю я вынес много тоски* — в переводе К. Гарнетт *suffered a great deal during that unhappy week*), и отсюда такие переводы, как *grief* или *woe*.

Здесь уместно обратиться к толкованию слова *тоска*, данному А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 172]. Упрощенно говоря, по Вежбицкой *тоска* — это когда человек чего-то хочет, сам точно не знает, чего именно, знает, что это не может произойти, и из-за этого нечто чувствует. В разных случаях на первый план может выходить любой из компонентов значения этого слова: желание чего-то (*yearning*), отсутствие точного понимания того, в чем состоит желаемое (этот компонент, как правило, не представлен в переводах К. Гарнетт), недостижимость желаемого и связанное с нею чувство, причем важно, что субъект чувствует нечто плохое (именно на этот компонент указывает большинство переводных эквивалентов, используемых К. Гарнетт)⁷.

⁵ Противопоставление «стратегии смысла» и «стратегии формы» при переводе художественного текста разбирается в статье [Добровольский, Шмелев 2018] и указанной там литературе.

⁶ О роли *тоски* в поэтике «Преступления и наказания» см. [Топоров 1970: 100].

⁷ Многие из английских слов, которые К. Гарнетт использовала, как переводческие эквиваленты *тоски* и содержащих компонент ‘произошло нечто плохое’ (а именно, *sadness, unhappiness, distress, sorrow, grief, despair*) также были проанализированы А. Вежбицкой [Wierzbicka 1999: 60–70].

«Братья Карамазовы» в НКРЯ тоже представлены переводом Констанс Гарнетт, и рассмотрение этого перевода на первый взгляд мало что добавляет к сделанным выводам. Однако сам по себе текст «Братьев Карамазовых» позволяет увидеть некоторые важные характеристики слова *тоска*, из которых часть можно считать общеязыковыми, а часть — принадлежностью идиостиля Достоевского. Эти характеристики иногда находят отражение в переводе.

Можно обратить внимание на то, что, как и в «Бесах», в слове *тоска* в «Братьях Карамазовых» иногда на первый план выходит идея горя или страдания, и в этом случае переводчица иногда использует такие соответствия, как *grief* или *suffering* (используются и другие соответствия, уже знакомые нам по переводам «Преступления и наказания» и «Бесов», напр. *anguish*), но самым частым соответствием для *тоски* в этом переводе оказалось слово *depression*. Кажется, что в некоторых случаях она злоупотребляет им в качестве переводного эквивалента. Так, в следующем примере ярко проявляется компонент 'субъект чего-то очень хочет, но не знает, чего именно' (на него недвусмысленно указывает контекст):

- (1) *Тоска до тошноты*, а определить не в силах, чего хочу.
I feel sick with depression and yet I can't tell what I want.

Использование в переводе слова *depression* обнаруживает несовпадение его значения со значением слова *тоска*: последнее указывает на сильное желание, тогда как *depression* предполагает, что все желания уже позади⁸. В примере, когда Иван Карамазов хочет вступить на «новый, совершенно неведомый путь», «много надеясь, но не зная на что», перевод слова *тоска* как *depression* приводит к тому, что когда дело доходит до сочетания *тоска нового и неведомого* слово *тоска* переводчица передает как *apprehension*, в результате чего смысл изменяется почти на противоположный: в оригинале говорится о сильном желании Ивана, чтобы наступило нечто новое и неведомое, тогда как слово *apprehension* скорее указывает на боязнь, предчувствие чего-то опасного⁹:

Невозможным оказался перевод *depression* и в следующей реплике старца, обращенной к приезжей даме: *Я вполне верую в искренность вашей тоски*. Здесь существенным оказывается параметр *искренности*, который плохо применим к *depression*. В переводе использовано сочетание *the sincerity of your suffering*¹⁰.

Конечно, можно сказать, что переводы К. Гарнетт далеки от совершенства и к тому же в них нередко встречаются прямые кальки. Однако на тезис о разбросе переводов как показателе лингвоспецифичности это никак не влияет. В самом деле, наличие калек может свидетельствовать о желании хотя бы отчасти

⁸ Ср. [Wierzbicka 1999: 309]. Приведу также замечание из интервью, данного мною журналу *Esquire* в 2012: «Тоску можно разгонять, совершать от нее удалые действия, с тоски можно напиться. А в депрессии человек ничего не делает или идет к психотерапевту» (<https://esquire.ru/archive/2539-words/>).

⁹ Английское слово *apprehension* описано в книге [Wierzbicka 1999: 86–87]. Возможно, старые значения этого слова не обязательно предполагали страх или опасность.

¹⁰ Хотя русское слово *искренность* и английское *sincerity* тоже не вполне совпадают по смыслу [Wierzbicka 2002].

следовать стратегии формы; если, несмотря на это, одно и то же языковое выражение оригинала переводится по-разному, можно сделать вывод, что никакого однозначно выбираемого аналога исходному выражению в языке перевода нет и, следовательно, оно лингвоспецифично по крайней мере относительно языка перевода.

Обращение к переводам других русских текстов, выполненных другими переводчиками в русле стратегии смысла, обнаруживает едва ли не больший разброс переводов: *sadness, yearning, depression, restlessness, wretchedness, despondency, anguish, misery, distress, dismay, dejection* и т. д. Заметим также, что в переводах часто меняется часть речи и структура предложения, и при подобных изменениях в качестве соответствий могут использоваться такие слова, как *suffered, sadly, depressed, dejectedly, worried, miserable* и т. д.

Мы видим, что при переводе текстов, содержащих лингвоспецифичные слова, даже в тех случаях, когда переводчики следуют стратегии смысла, происходят определенные семантические сдвиги. В каждом конкретном случае переводчики решают (при условии, что они правильно понимают оригинальный текст), какими неявными компонентами смысла можно пожертвовать, а какие оказываются важными для смысла высказывания или всего текста¹¹. Именно эти сдвиги интересны для целей лингвистического анализа, поскольку они позволяют увидеть в значении исходного лингвоспецифичного выражения то, что определяет его специфику.

На этом фоне особенно обращает на себя внимание решение Ричарда Певеара и Ларисы Волохонской в переводе «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Слово *тоска* является одним из ключевых слов переводимого романа (оно встречается в нем 17 раз), и переводчики, в соответствии со стратегией формы, последовательно передают его как *anguish* (15 раз из 17; в двух случаях такой перевод уж совсем не годился бы) несмотря на то, что в некоторых случаях смысл ощутимо сдвигается¹². Слово *anguish* — весьма неточное переводное соответствие для *тоски*, оно указывает на душевную боль, муку или даже отчаяние, «острое и глубокое душевное страдание», которое «обычно бывает обусловлено не столько внешними, сколько внутренними, часто психологическими причинами» [Апресян и др. 1979: 403]. С *тоской* это чувство сближает некоторая иррациональность (субъект не знает, почему он чувствует нечто плохое), но, в отличие от *тоски*, *anguish* не предполагает компонента 'субъект чего-то хочет'. Показательно, что в англо-русском подкорпусе НКРЯ русские переводчики довольно редко переводят *anguish* как *тоска*, обычно выбирая слова со значением 'боль, мука, страдание'.

¹¹ Когда лингвоспецифичное слово оказывается ключевым для произведения, выбор стратегии смысла неизбежно затушевывает его роль. В связи с этим упомяну слово *тоска* в некоторых эпизодах «Ракового корпуса» Солженицына и его соответствия в английском и французском переводах, отсутствующих в НКРЯ [Шмелев 2019].

¹² Заметим, что и у К. Гарнетт есть перевод, в котором, в соответствии со стратегией формы, слово *тоска* переведено единообразно. Речь идет о рассказе Чехова «Тоска» (включенном в НКРЯ). В нем названная эмоция оказывается в центре повествования (в коротком рассказе оно встречается шесть раз, не считая заглавия), и разброс переводов полностью разрушал бы авторский замысел; К. Гарнетт перевела название рассказа как *Misery*, и точно так же она переводит это слово в пяти случаях из шести, а еще один раз несколько меняет синтаксическую структуру и использует родственное прилагательное *miserable*.

Сказанное побуждает обратиться еще к одному переводу, выполненному Певеаром и Волохонской, а именно — переводу «Преступления и наказания», пока не вошедшему в русско-английский параллельный подкорпус НКРЯ. Мы уже видели, что Певеар и Волохонская склонны к стратегии формы, и слово *тоска* они стремятся передавать единообразно (стандартное выбираемое ими соответствие *anguish*). Именно этой стратегии они следуют и в переводе «Преступления и наказания», в котором, как мы помним, слово *тоска* встречается 22 раза. Приведем первые восемь примеров вхождения этого слова вместе с их переводом в версии Певеара и Волохонской:

- (2) он не знал, куда деться от *тоску* своей
he did not know where to flee from his *anguish*
- (3) Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной *тоску* своей и мрачного возбуждения...
After a whole month of this concentrated *anguish*, this gloomy excitement of his, he was so tired out...
- (4) ... он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову...
...he was agitated, kept ruffling his hair, and every once in a while leaned his head on his hands in *anguish*
- (5) Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя *тоска*...
Long, long ago this present *anguish* had been born in him...
- (6) целые полчаса бродил в *тоске* и тревоге
he have wandered for a whole half an hour in *anguish* and anxiety
- (7) *Тоска* проглянула в лице Лужина.
Anguish flitted across Luzhin's face.
- (8) с нетерпением и *тоской* поглядел на Настасью
looked at Nastasya with impatience and *anguish*
- (9) Даже *тоска* прошла...
Even his *anguish* had gone...

Выбранная переводчиками стратегия позволяет передать нагнетание тоски, характерное для «Преступления и наказания». При этом каждое отдельное вхождение слова *тоска* переведено с некоторым семантическим сдвигом: как уже говорилось, *anguish* указывает на эмоцию, вовсе не тождественную тоске.

Итак, и при выборе стратегии формы, и при выборе стратегии смысла неизбежны определенные потери и семантические сдвиги. Различие между указанными стратегиями чрезвычайно важно для теории перевода, а разброс переводов, возникающий при выборе стратегии смысла, свидетельствует о лингвоспецифичности переводимого языкового выражения. Однако с точки зрения проникновения в суть семантики лингвоспецифичного слова оригинала ни та, ни другая стратегия не может служить надежным инструментом.

2. Тоска в переводах на русский язык

Как выясняется, слово *тоска* используется переводчиками не так уж редко — скажем, переводчиками с английского языка текстов, включенных в НКРЯ, лишь менее чем в два раза реже, чем авторами оригинальных текстов: так, напр., англо-русский подкорпус НКРЯ (переводы на русский язык оригинальных текстов на английском языке) содержит (по состоянию на 31 августа 2018) 403 вхождения этого слова на 18 с небольшим миллионов словоупотреблений (т.е. 22 ipm), тогда как русско-английский подкорпус НКРЯ (оригинальные русские тексты с их переводами на английский язык) — 271 вхождение слова *тоска* на более чем шесть с половиной миллионов словоупотреблений (т.е. 41 ipm). Возникает закономерный вопрос: какие же факторы обуславливают появление в русских переводах слова *тоска*, ведь мы знаем, что в английском языке нет слова или выражения, для которого этот перевод был бы максимально точным соответствием.

Частично список слов и выражений, которые переведены как *тоска*, совпадает со списком переводов русского слова *тоска* на английский язык: *distress, depression, despair, anguish, grief, agony* и т. д., а также *sadness*; но часто слово *тоска* соответствует другим оборотам. Так, некоторые переводчики регулярно используют его как перевод слова *melancholy*. Рассмотрение стимулов, которые побуждают русских переводчиков употребить слово *тоска*, часто высвечивает важные компоненты в семантике этого слова, причем самым важным иногда оказывается общий контекст, в котором говорится о данной эмоции.

Слово *тоска* часто появляется, когда в оригинале говорится о сильном желании чего-либо. Оно может ставиться в соответствие не только слову *yearning*, но и, напр., слову *longing*. Иногда объект желания вполне определен, но это не самая характерная ситуация для использования в переводе слова *тоска*

(10) I don't think I ever in my life, before or since, felt I wanted mustard as badly as I felt I wanted it then.

Никогда в жизни, ни прежде, ни потом, я не испытывал такой тоски по горчице, как в ту минуту.

Чаще всего слово *тоска* используется, когда желание характеризуется как смутное и неопределенное (субъект затрудняется точно определить, чего именно он хочет). Именно в этом случае слово *тоска* в переводе оказывается особенно уместным:

(11) A sort of undefined longing crept upon them.

Какая-то смутная тоска напала на них.

(12) It caused him to feel a vague, sweet gladness, and he was aware of wild yearnings and stirrings for he knew not what.

Бэк испытывал какую-то смутную радость, и беспокойство, и буйную тоску неведомо о чем.

Кроме того, когда в оригинале речь идет о подавленном, мрачном состоянии духа (напр., используются такие слова, как *gloom, torp* или просто *excruciating feelings*), переводчики нередко бывают склонны охарактеризовать это состояние при помощи слова *тоска*.

Часто *тоска* связана с тем, что субъект чувствует себя одиноким:

- (13) I felt so *lonesome* I most wished I was dead. — Такая напала *тоска*, хоть помирай.
- (14) ...Dorothy built a splendid fire that warmed her and made her feel less *lonely*.
...Дороти разожгла большой костер, возле которого быстро согрелась и забыла уже подступившую к сердцу *тоску*.
- (15) He wanted to be alone—to be *lonely*.
Ему хотелось быть одному, отдаться своей *тоске*.
- (16) During these days he got immensely *lonely*.
В эти дни его грызла *тоска*.
- (17) But he felt *lonely*.
Но на душе у него была *тоска*.
- (18) ...fear and *loneliness* goaded him.
...подстрекнули страх и *тоска*.

В целом, когда в английском оригинале говорится, что субъект чувствует нечто плохое, русские переводчики нередко характеризуют это чувство как *тоску*. При этом слово *тоска* часто появляется, когда в оригинале говорится о неудовлетворенном желании субъекта; само желание может быть смутным и безотчетным, но обычно таким, что оно не может быть удовлетворено. Мы видим, что это в основном подтверждает описание семантики слова *тоска*, данное А. Вежибицкой. Данные параллельного англо-русского подкорпуса НКРЯ позволяют уточнить компонент 'из-за этого субъект нечто чувствует', добавив, что он чувствует 'нечто плохое', а также высказать предположение, что к этому описанию может быть добавлен еще один компонент, связанный с тем, что субъект чувствует нечто плохое из-за того, что не может рассказать кому-либо о том, что именно он чувствует. Эта невозможность может быть обусловлена как смутностью и неопределенностью самого чувства, так и одиночеством субъекта (и, вероятно, поэтому упоминание одиночества в оригинале наводит переводчиков на мысль о *тоске*).

В связи со словом *тоска* и его английскими соответствиями можно также упомянуть статью [В. Ю. Апресян 2011], где высказывается предположение, что наиболее близким соответствием слову *тоска* является английское *blues* (в этой работе даже формулируется семантический инвариант для *тоски* и *blues*). Однако показательно, что в реальных переводах (в частности, по данным НКРЯ) *тоска* практически никогда не передается как *blues*, а *blues*, даже когда это эмоция, а не оттенки цвета или музыкальный жанр, обычно не переводят как *тоска*. Правда, Надежда Вольпин в переводе Голсуорси передает *blues* как *зеленая тоска*, забавным образом меняя цвет.

В целом представляется, что именно для таких слов, как *тоска*, анализ их появления в переводных текстах может помочь верифицировать или уточнить их описание и подчас оказаться более эффективным инструментом исследования, нежели анализ их соответствий в языке перевода, когда такие единицы появляются в языке оригинала. Перевод лингвоспецифичных слов оригинала

представляет собою задачу, которая, как правило, бывает отрефлектирована переводчиком, и для решения этой задачи велика роль индивидуальных предпочтений переводчика. Кроме того, основанием для конкретного переводческого решения «могут оказаться поверхностное понимание, влияние переводных словарей или даже желание придать тексту перевода некоторый налет «иностранности», чтобы текст воспринимался именно как перевод» [Михайлов 2005: 381]. Поэтому, когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, данные параллельного корпуса часто дают нам недостаточную информацию о семантических особенностях русских лингвоспецифичных лексических единиц (хотя, разумеется, они чрезвычайно важны для переводоведения). Напротив того, появление лингвоспецифичных слов в переводе чаще всего представляет собою неосознанное решение переводчика как носителя языка и отражает его спонтанную речевую деятельность. Поняв, почему переводчик употребил данное лингвоспецифичное слово, мы получаем шанс увидеть какие-то его семантические характеристики, не замеченные при анализе оригинальных текстов.

Литература

1. Апресян Ю. Д. и др. 1979. Англо-русский синонимический словарь, Русский язык, Москва.
2. Апресян В. Ю. 2011. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты, Вопросы языкознания, 2, 63–88.
3. Добровольский Д. О., Шмелев А. Д. 2018. Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция что ни говори. Вопросы языкознания, 5, 34–48.
4. Зализняк Анна А. 2015. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2015, Москва, 651–662.
5. Михайлов М. Н. 2005. The particle in the text: is it possible to check correspondences of functional words in parallel corpora?, Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference 'Dialog 2005', Москва, 377–381.
6. Топоров В. Н. 1970. Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание»), Проблемы поэтики и истории литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, 91–109.
7. Шмелев А. Д. 2012. Перевод «непереводимого», Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи, Индрик, Москва, 44–54.
8. Шмелев А. Д. 2015. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни», Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2015, Москва, 561–570.
9. Шмелев А. Д. 2019. Языковое мастерство Солженицына как вызов переводчику, Александр Солженицын: взгляд из XXI века, Москва, 576–596.

10. Шмелев А. Д., Зализняк Анна А. 2017. Реверсивный перевод как инструмент лингвистического анализа дискурсивных слов, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог'2017, Москва, 370–380.
11. Nida E. A., Taber C. R. 1969. *The Theory and Practice of Translation*, With Special Reference to Bible Translating, Brill, Leiden.
12. Wierzbicka Anna 1992. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*, Oxford University Press, New York; Oxford.
13. Wierzbicka Anna 1999. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*, Cambridge University Press, Cambridge.
14. Wierzbicka Anna 2002. Русские культурные скрипты и их отражение в языке (Russian cultural scripts and their reflection in language), *Русский Язык в Научном Освещении (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2 (4), 6–34.

References

1. *Apresjan Ju. D. et al.* (1979), *English-Russian Dictionary of Synonyms [Anglo-Russkii Sinonimicheskii Slovar']*, Russkii iazyk, Moscow.
2. *Apresjan V. Ju.* (2011), An attempt at cluster analysis: Russian and English emotion concepts [Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты], *Topics in the study of language [Voprosy yazykoznanija]*, 2, 63–88.
3. *Dobrovol'skij D. O., Shmelev A. D.* (2018), Russian language-specific items and their correlates in translation: The case of *chto ni govori* 'say what you will' [Русские лингвоспецифические единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *chto ni govori*], *Topics in the study of language [Voprosy yazykoznanija]*, 5, 34–48.
4. *Mihajlov M. N.* (2005), The particle in the text: is it possible to check correspondences of functional words in parallel corpora?, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference 'Dialog 2005'*, 377–381.
5. *Nida Eugene A. and Taber Charles R.* (1969), *The Theory and Practice of Translation*, With Special Reference to Bible Translating, Brill, Leiden.
6. *Shmelev A. D.* (2012), Translating the untranslatable [Перевод «neperevodimogo»], *Logical Analysis of Language. Translating Fiction in Various Epochs [Logicheskij Analiz Yazyka. Perevod Khudozhestvennykh Tekstov v Raznye Epokhi]*, Indrik Publ., Moscow, 44–54.
7. *Shmelev A. D.* (2015), Russian language-specific lexical units in parallel corpora: Prospects of investigation and “pitfalls”, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue' 2015*, Moscow, pp. 584–594.
8. *Shmelev, A. D.* (2019), Solzhenitsyn's language as a challenge that translators face [Языковое мастерство Солзhenitsyna kak vyzov perevodchiku], *Alexandr Solzhenitsyn: Looking Back from the 21st Century [Aleksandr Solzhenitsyn: Vzgliad iz XXI Veka]*, Russkii put', Moscow, 576–596.

9. *Shmelev A. D., Zalizniak Anna A.* (2017), Reverse translation as a tool for analysis of discourse words, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue' 2017, Moscow*, pp. 370–380.
10. *Toporov V. N.* (1970), Dostoevsky's Poetics and Archaic Patterns of Mythological Thought: Crime and Punishment [Poetika Dostoevskogo i arkhaiskiye skhemy mifologicheskogo myshleniya («Prestuplenie i nakazanie»)], *Problems of Poetics and the History of Literature [Problemy Poetiki i Istorii Literatury]*, Saransk, 91–109.
11. *Wierzbicka Anna* (1992), *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*, Oxford University Press, New York; Oxford.
12. *Wierzbicka Anna* (1999), *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*, Cambridge University Press, Cambridge.
13. *Wierzbicka Anna* (2002), Russian cultural scripts and their reflection in language [Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke], *Russian language and linguistic theory [Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii]*, 2 (4), 6–34.
14. *Zalizniak Anna A.* (2015), Russian language-specific words as an object of contrastive corpus analysis, *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue' 2015, Moscow*, pp. 651–662.